

# Эскадра императрицы

250 лет назад, в мае - июне 1767 года, Екатерина II совершила своё знаменитое путешествие по Волге на галере «Тверь». Конечным пунктом поездки вынужденно стал город Синбирск (такое его написание сохранялось до 1780 года), где императрица провела три дня. В то время город был центром Синбирской провинции, входящей в Казанскую губернию. За маршрутом волжской эскадры можно проследить по судовому журналу и письмам Екатерины, которые она периодически отправляла графу Н.И. Панину...



Рисунок Л. Незветаева

**Е**катерина II несколько месяцев обдумывала детали этого путешествия по Волге, намеченного на лето 1767 года. Хотелось императрице с царственным блеском явить себя перед своими подданными, а заодно и посмотреть, как живёт российский народ вдалеке от столицы. Начальным пунктом плавания определили Тверь, и чтобы многочисленным участникам вояжа сюда добраться из Москвы, было подготовлено 300 дорожных колясок. На каждой станции, где предполагались остановки императрицы, стояли наготове 75 сменных лошадей. Из Твери речная эскадра отправилась в путь 2 мая (по старому стилю), как только Волга освободилась ото льда.

Остановки Екатерина делала на несколько дней в крупных городах и монастырях, чтобы принять делегации местных чиновников, дворянства, купечества, духовенства и поучаствовать

в церковных службах. В судовом журнале отмечены места остановок – Казанский монастырь, Углич, Рыбная слобода, Ярославль, Ипатьевский монастырь, Кострома, село Петропавловское, Городец, Нижний Новгород, Макарьево-Желтоводский монастырь, Чебоксары. Накануне прибытия в Казань губернатор А.Н. Квашнин-Самарин представил императрице описание губернии. А ещё раньше ей рассказали о том, что Пётр I, отправляясь в 1722 году в Персидский поход, посетил развалины древней столицы Волжской Булгарии. Видимо, этот факт и побудил императрицу включить в маршрут посещение Болгарского городища.

В Казани Екатерина провела пять дней с 26 по 31 мая, осмотрела Кремль, разрешила мусульманам строить в городе мечети. Восхищённая приёмом, она назвала себя «казанской помещицей», а о местных чиновниках и дворянах, старающихся ей во всём угодить, вы-

сказалась так: «Если бы позволили, они бы себя вместо ковра постлали...». В первый день лета, 1 июня, императрица продолжила путешествие вниз по Волге. Казань провожала её с подобающей торжественностью. За каретой Екатерины спешили толпы горожан, все кричали «Ура!», слышались пушечная пальба и колокольный звон, на пристани по обеим сторонам стояли ряды дворян и купечества. В тот же день Екатерина написала графу Н.И. Панину, главе внешней политики России: «Здесь народ по всей Волге богат и весьма сыт, и хотя цены везде высокие, но все хлеб едят, и никто не жалуется и нужду не терпит...». Тема эта волновала императрицу: «Хлеб всякого рода так здесь хорош, как ещё не видали; по лесам же везде вишни и розы дикие, а леса много нет, как дуб и липа; земля такая чёрная, как в других местах в садах на грядах не видят. Одним словом, сии люди Богом избалованы; я от роду таких рыб





вкусом не едала, как здесь, и всё в изобилии, и я не знаю, в чём бы они имели нужду; всё есть и всё дешёво».

С якоря снялись сразу после полудня, шли на вёслах, но к 9 часам вечера прошли лишь 23 версты. На ночёвку остановились на нагорной стороне реки у села Шеланга. Рано утром 2 июня подул попутный ветер, и флотилия пошла вперёд под парусами. За шесть часов прошли 50 вёрст и на подходе к селу Кирельскому остановились на обед. Затем опять налегли на вёсла, и в начале пятого часа после полудня речная эскадра встала на якорь у левого берега Волги в нескольких верстах от древних развалин города Болгара, чуть ниже того места, где соединялась с основным руслом волжская протока Чертык. Любопытно, что в судовом журнале писарь, не разбирающийся в местных названиях, отметил, что прибыли они на «Белгородскую пристань», откуда императрица «шествоие имела в город Белгород». На слух Болгары он на русский манер воспринял как Белгород. Вид растянувшейся вдоль берега императорской флотилии потрясал воображение, такого скопления кораблей здесь не видели, пожалуй, со времён визита в Болгары Петра I.

Всего в эскадре было 25 судов различного назначения. На самой большой галере «Тверь» располагалась сама Екатерина, две её фрейлины, фаворит императрицы граф Григорий Григорьевич Орлов, а также его младший брат, директор Петербургской академии наук Владимир Орлов. На галере «Волга» плыли генерал-фельдмаршал флота Иван Чернышёв, генерал-аншеф Александр Бибииков и санкт-петербургский генерал-полицмейстер Дмитрий Волков. На борту галеры «Ярославль» путешествовал писатель Андрей Шувалов, приближенный к себе Екатериной из-за его знакомства с Вольтером, и ещё несколько высокопоставленных чиновников и служащих, включая лейб-хирурга Рейслейна и походного лекаря.



Галера «Тверь», на которой путешествовала по Волге Екатерина II

Галеру «Казань» предоставили старшему из знаменитых братьев – графу Ивану Орлову, а также его двоюродному брату гофмаршалу Григорию Никитичу Орлову. Три галеры были оборудованы как походные кухни – «Кострома», «Нижний Новгород» и «Синбирск», на них располагалась провизия и готовилась пища. Судно «Ржев Владимиров» выполняло роль плавучего госпиталя, здесь путешественники могли получить медицинскую помощь. Президент Военной коллегии Захар Чернышёв плыл на собственной галере «Лама». И у Григория Григорьевича Орлова в эскадре тоже была своя галера «Севастьяновка», хотя фаворит чаще находился рядом с императрицей.



Для путешествия Екатерины II И.И. Стафенгагеном было составлено единое географическое описание Волги. 1767

Находящиеся в свите литераторы не теряли времени даром. Во время путешествия был осуществлён коллективный перевод сочинения француза Ж.-Ф. Мармонтеля «Велисарий», которое автор прислал императрице. Сама Екатерина тоже в этом участвовала, каждому переводившему по жребью досталось по одной главе. Через год книга вышла в печать и впоследствии несколько раз переиздавалась.

А ещё во время плавания знаменитый поэт и драматург М.М. Херасков с кружком сопровождавших императрицу придворных организовал перевод ряда статей французской энциклопедии.



Портрет Екатерины II. Художник Ф.С. Рокотов, 1763

Сам он переводил статьи, касающиеся поэзии, словесных наук и магии, А.В. Нарышкин перевёл статьи об экономике и праве. А книга «Переводы из Энциклопедии» была издана в том же 1767 году.

Участвовали в вояже и иностранные министры. Саксонский граф Сакчен путешествовал на галере «Воме». А ещё в экспедиции находились испанский виконт Дегерерский, цесарский князь Лобкович, прусский граф Сольмс и датский барон Ассбург. Из судов меньшего класса флотилия насчитывала 10 полубарок (две с армейской командой и восемь с придворными запасами) и 4 большие лодки. На всех судах присутствовало 777 флотских, артиллерийских, адмиралтейских чинов и служащих, а также 345 армейских солдат и офицеров. Общее же число участников путешествия, включая высших лиц, составило около 1150 человек. Столь внушительная охрана императрицы, видимо, была оправдана тем, что плавать по Волге в те годы было небезопасно, ведь вояж Екатерины состоялся всего за несколько лет до Пугачёвского бунта...

Но вернёмся к Болгарам. На берегу Волги эскадру встречала делегация местных дворян и чиновников (город Спасска тогда ещё не было, и село Успенское (Болгары) относилось к Казанскому уезду). Вплотную к берегу суда подойти не могли и бросили якорь на глубине, а Екатерина спустилась в шлюпку и переправилась с галеры





Никита Иванович  
Панин (1718–1783).  
Художник А. Рослин, 1777



Портрет графа  
Ивана Григорьевича Орлова.  
Художник Ф.С. Рокотов,  
1762-1765 гг.



Портрет графа  
Григория Григорьевича Орлова.  
Художник А.И. Чёрный, 1770

«Тверь» на специально построенную пристань. От неё вплоть до села Успенское была проложена «царская дорога», по которой императрица и сопровождающая её свита на нескольких десятках экипажей комфортно доехали до Болгарского городища. После молебна в Успенском монастыре Екатерина в течение почти двух часов осматривала остатки «каменного строения, которое ещё в давнейших годах строено было». На галеру она вернулась в 8 часов вечера, и флотилия, снявшись с якоря, отправилось вниз по течению. Через два часа остановились на ночёвку, а 3 июня в 8 утра приплыли к острову Щучий, где тоже была устроена пристань. Императрица сошла на берег и отправилась за 10 вёрст в имение графа Ивана Григорьевича Орлова, в село Вознесенское (позже село Головкино Старомайнского района Ульяновской области, попавшее в 1950-е годы в зону затопления в связи со строительством Куйбышевской ГЭС).

Отсюда Екатерина написала очередное письмо Н.И. Панину, где поделилась своими впечатлениями о пребывании в Болгарах: «Вчерашний день мы ездили на берег смотреть развалины старинного, Тамерланом построенного города Болгары и нашли действительно остатки больших, но не весьма хороших строений, два турецких минарета весьма высокие, и все, что тут ни осталось, построено из плиты очень хорошей; татары же великое почтение имеют к сему месту и ездят богу молиться в сии развалины».

Императрицу возмутило, что многие древние сооружения были сломаны или перестроены, и она далее сообщила Панину об одном из виновников вандализма: «Сему один гонитель, казанский архиерей Лука, при покойной императрице Елисавете Петровне, позавидовал и много разломал, а из оных построил церковь, погреба и под монастырь занял, хотя Петра I-го указ есть не вредить и не ломать сию древность. Сей день здесь провожу, а завтра в Синбирск поеду...». Екатерину взволновало увиденное в Болгарах, и она в последние дни путешествия по Волге, пока плыла в Синбирск, писала уникальное сочинение «О болгарях и хвалисах». И хотя не всё в нём соответствовало исторической истине, записка всё же является ценным свидетельством интереса императрицы к истории собственного государства и отражает уровень тогдашних знаний о древнем волжском народе. «Болгары довольно известны, что жили по Волге, Каме,

Свияге, где ныне Казанская губерния», – начинает своё сочинение Екатерина. Затем она вспоминает древнегреческого историка Геродота и делает предположение, что описанные им «аргипеи» весьма сходны с волжскими болгарями. «К ним ездят греки из Бористены и других городов с торгом, – сообщает она, – а как довольно известно, что в сей стране токмо болгары в такой древности великие грады имели. Народ был ремесленный и купечеством во всей стране главный». Далее императрица отмечает мастеровитость здешних умельцев: «Сих болгар оставшие разоренные великие каменного и хитрого здания города и прочих строений, удостоверяют, что народ в хитростях, рукоделиях и купечестве весьма переизыществовал». А ещё подчёркивает интенсивный товарооборот волжских болгар со многими странами: «Находящиеся в земле деньги Арапской страны доказуют, что они в Персию, Индию с восточными сарацины, которых государей на деньгах имяна изображены, купечества имели и на севере, не токмо на Руси около Новгорода, но в Швеции и Готландии те деньги не иначе, как их... купечеством занесены».

Затем Екатерина описывает местоположение Болгар, искажая при этом в рукописи название города, видимо, переписав с Татищева: «Суцая их столица Боогард, или главный и великий город, был ниже устья Камы верст с 30, а от Волги лугами отдалён вёрст на семь; видится, что Волга близ города течение имела. Строение оное было довольно пространно, ибо его ныне видимо кругом верст на 5, и некоторые говорят – на 6 и на 7. Дома видно, что более были каменные и в развалинах много от украшений наружной резьбы и поливанной свинцом гончарной работы находится; оный перво в 1234-м году от татар, а потом в 1500-м году от русских в конец опустошен и Казань построена».

Упоминает императрица в сочинении и другие города Волжской Булгарии, о которых ей рассказали во время посещения Болгарского городища, в первую очередь Биляр: «На реке Черемшане еще не koliko древнего здания каменного, а особливо портал и врата великого храма и столпы видимы. Суть же ещё города великие видимы яко на устье Камы: в луговой стороне Жукотин; сказывают, великие развалины остались; на нагорной стороне ниже Камы вёрст с пять был город Ашла, в Синбирском уезде близ села Ташла; на горах, сказывают, не малое здание города Ташла...».





5 июня флотилия императрицы прибыла к Симбирску. Подробности пребывания Екатерины в нашем городе описал Павел Любимович Мартынов в своей книге «Город Симбирск за 250 лет его существования», изданной в 1898 году. По преданию, прямо от берега Волги, где пристала галера «Тверь», вплоть до Троицкого собора было послано алое сукно, по которому Екатерина II «изволила шествовать» вверх по склону на вершину Симбирской горы. Сначала она зашла в собор, а оттуда отправилась в расположенный рядом в Троицком переулке дом купца Ивана Семёновича Мясникова (Пустынникова). Он был владельцем многих уральских рудников и заводов, крупным помещиком, торговал хлебом, вином и солью.



Григорий Васильевич Козицкий (1724–1775), писатель и журналист, стас-секретарь Екатерины II

У хозяина дома, где остановилась императрица, было четыре незамужних дочери – Аграфена, Ирина, Дарья и Екатерина. Государыня обратила на это внимание и решила устроить их судьбу, подыскав им подходящих женихов из дворян своей свиты. Высокой чести стать мужьями сестёр Мясниковых по соизволению императрицы удостоились А.Н. Дурасов, П.А. Бекетов, А.И. Пашков и Г.В. Козицкий, каждый из которых получил в приданое за своей женой по 19 тысяч душ крестьян с соответствующим количеством земли в Симбирской провинции и по два железоплавильных завода в Оренбургском крае. Вид города и его экономическое состояние произвели на Екатерину неблагоприятное впечатление.

Во-первых, в Симбирске стояла сильнейшая жара, имевшая гнетущее влияние на её расположение духа. И вот вторых, несмотря на естественные богатства края, в казне города выявились существенные недоимки. Об этом императрица писала из Симбирска графу Никите Ивановичу Панину: «Здесь такой жар, что не знаешь куда деваться, город же самый скаредный и все дома, кроме того, где Я стою, в конфискации... Я не очень знаю, схоже ли это с здравым рассуждением и не полезнее ли повернуть людям их дома, нежели сии лучинки иметь в странной собственности, из которой ни коронные деньги, ни люди не сохранены в целости. Я теперь здесь упражняюсь сыскать способы, чтобы деньги были возвращены, дома попусту не сгнили и люди не приведены были вовсе в истребление, а недоимки, по соли и вину только, сто семь тысяч рублей, к чему послужили как кражи, так и разные несчастливые приключения».

Через три дня, 8 июня, Екатерина отправилась в Москву по сухопутью через Алатырь. Причиной скорого отъезда послужило неожиданное известие о сильной болезни сына императрицы, цесаревича Павла Петровича. В Москву государыня вернулась 16 июня. А императорская эскадра поплыла назад, вверх по течению Волги, уже без Екатерины.

Позже галера «Тверь» по наказу императрицы была установлена в Адмиралтейской слободе Казани, в особом сарае. Почти два века она служила музеем. К концу XIX столетия галера значительно обветшала, но всё же было ещё заметно, что она окрашена зелёной краской, а по её борту видны были резные статуи. На носу галеры туристы могли видеть две комнаты для кухни, а на корме – целый двухэтажный дом. На его нижнем этаже располагались восемь комнат для свиты Екатерины II, а наверху – зал и семь обитых разными тканями комнат для самой императрицы, в одной из которых стояла её кровать.

Кроме галеры «Тверь», в Казани до 1804 года хранились ещё четыре судна из эскадры императрицы, только меньших размеров. Все они были разобраны «по высочайшему повелению». А знаменитую галеру «Тверь» в 1956 году уничтожил пожар вместе с построенным над ней деревянным павильоном.

Николай Марянин, краевед



Владимир Григорьевич Орлов, директор Петербургской академии наук. Художник В.А.Тропинин



Граф Андрей Петрович Шувалов, писатель (1744-1789). Художник Жан-Батист Грёз



Поэт Михаил Матвеевич Херасков (1733-1807). Художник К. Гекке, 1800-е годы